

Беседы с НУРБОЛАТОМ МАСАНОВЫМ

Портрет личности, политолога, историка глазами ученика

О Нурболате Масанове, как наставнике, ученом, политологе и неординарной личности рассказывает один из его учеников – политолог Берик АБДЫГАЛИЕВ.

Внезапная кончина Нурболата Масанова в октябре 2006 года – это самая настоящая потеря для всего Казахстана. Он был для общества прежде всего Политологом с большой буквы – человеком, имевшим свою независимую точку зрения на общественно-политические процессы. Он настолько ярко, логично и ясно выражал ее, что по Масанову мы сверяли время – наше бытие. Вместе с тем он обладал поразительным, чисто интеллектуальным умением влиять на ситуацию. Благодаря Масанову мы стали верить в то, что если писатели – инженеры человеческих душ, то политологи – это инженеры человеческих мозгов.

– Идеи о маргинальности казахов и о казахском языке. Масанов говорил вещи, которые реально не нравились казахским патриотам. Он считал казахов, приехавших из села, маргиналами, людьми, мировоззрение которых не сформировалось окончательно. А это основная база для националистических идей и движений, в том числе для авторитаризма. В такой среде ослаблено стремление к гражданским правам, желание частной собственности. Масанов в то время повторял, что язык – это всего лишь средство коммуникации, средство выражения мысли, а не национальный атрибут или символ. «И на каком языке я хочу говорить – это моя проблема, – так говорил он обычно в дискуссиях. – Вот я хочу говорить на русском. Но это не значит, что я не казах, не патриот. Патриотизм проявляется не только в знании казахского языка. Язык – средство коммуникации, а значит это технический вопрос». Масанов считал, что в современной ситуации главное – это самосознание народа, знание им истории, культуры.

Многие не понимали, что он имел в виду, но все равно были против. Он и большинство интеллигентов называл маргинальными людьми, которые окончательно не устоялись в мировоззрении. Они вырвались из села, но потеряли национальное восприятие, но, придя в город, еще не адаптировались в нем.

Масанов не собирался обижать кого-либо, а пытался как ученый объяснить поведение людей. Его интересовало, почему люди сильно озабочены национальными вопросами. Я был не со всем согласен, но никогда не обижался, а пытался понять его, дискутировал с ним. Постоянно ходил к Масанову, задавал вопросы, спорил. Мы воспринимали его как космополита, отрицающего национальность. На мой взгляд, он подходил ко многим проблемам технократически. Хотя подчеркивал, что так стал думать только при нынешней власти. Масанов говорил: «В советское время я был националистом, оппонируя за казахскую историю. Когда я поехал в Москву, мои недрузи позвонили туда и сказали, что к ним едет страшный националист. В советское время национализм был моей системой оппонирующей власти. В независимом Казахстане моей системой оппонирующей власти являются права человека, свобода слова, частная собственность».

Изменилась ли со временем у Масанова позиция в отношении казахского языка?

– Я не думаю, что он изменил своим принципам, но в последнее время был уже не так радикально настроен, как раньше. Он понял, что язык – это очень сильный политический фактор. Масанов уже думал о том, как, учитывая такой фактор, поднять нацию. Язык ведь не просто средство общения. Язык – это код, это система социализации человека. Не зная казахского языка в полном объеме, невозможно понять поведение, психологию казахов, потому что через казахский язык выработан и характер, и менталитет, и многое другое.

Кстати, Нурболат Едыгеевич пригласил меня на одно из последних заседаний дискуссионного клуба «Политон», чтобы я выступил по проблеме этнической идентифика-

ции. Но я поднял проблему, которую он не очень любит. Я говорил о том, что сейчас в казахских СМИ из номера в номер, от одной телепередачи к другой казахи говорят о своих претензиях к русскому языку. Но этот протест никуда не выходит за пределы казахоязычного общества. Оно начинает замыкаться в себе. Его никто не понимает, и оно обижено на всех – и на власть, и на другие этносы.

Существуют два мира, и им не сойтись, так что ли?

– Да, эти два мира замыкаются в себе, воспитывается молодое поколение, которое настроивается агрессивно. Поэтому на контакте рано или поздно может вспыхнуть искра. Проблема казахской идентификации – это очень сложная тема. Конфликтный потенциал существует даже между самими казахами.

Есть пути снятия этого конфликта?

– Есть целая система механизмов, что то наподобие рыночных реформ. Их можно вводить методом шоковой терапии. Например, сейчас на Украине после «оранжевой» революции очень моден украинский язык. Моду ввели Тимошенко и Ющенко. Тот же Янукович не знал украинский, когда участвовал два года назад в президентской гонке, а сейчас выступает только на украинском. У них все, кто хочет стать национальным лидером, выступают на украинском. В итоге изменилось само отношение к языку. У нас такого изменения не произошло.

От власти спасла Аура

Итак, Нурболата Масанова можно назвать вашим наставником. Чему он учил проблемы политологии?

– Я жил в общежитии, и к нам отправляли дежурить преподавателей. Масанов пил с нами чай, говорил на любые темы – рок, эстрада, литература. Нурболат Едыгеевич, конечно, был сильно ориентирован на западную культуру. Восхищался европейскими звездами. «Для меня раньше Алма-Ата была луной земли, – говорил он. – А позже в Москве, поняв, какая это периферия». Говорил не с пренебрежением, а с сожалением, что нам еще нужно долго расти.

Помню, Нурболат Едыгеевич советовал нам, как выбирать жен. «Самое главное, чтобы она не была толстокожей душой, – говорил он. – Все можно перенести, но не толстокожую дуру». Для меня, студента из казахской группы, такая фигура воображать было трудно.

Нурболат Едыгеевич был мне очень близок и дорог. В зловещие жизненные моменты он всегда делился сокровенными мыслями даже с нами, студентами. Масанов говорил нам, что вот он договорился о публикации в «Казахстанской правде» или вот статья выйдет в «Караване». У него был особенно сильный тандем с Нурланом Амрекуловым, которого он хвалил и говорил, что Нурлан пишет классно. Они в самом деле заметно влияли на общественную мысль, например, серией публикаций на тему: «Как обустроить Казахстан». Делали очень сильные экономические

Дойти во всем до самой сути

Берик Бакытович, вы давно знакомы с Нурболатом Масановым?

– В 1992 году Нурболат Едыгеевич приехал из Москвы, где он защитил докторскую диссертацию в МГУ. Стал работать на историческом факультете в КазГУ имени аль-Фараби. Я был студентом 3-го курса, специализировался по номинализму, читал труды многих ученых, в том числе Масанова. Его работа отличалась от других тем, что в ней объяснялось, как формировался кочевой народ – казахи, какую роль в этом сыграли климатические, географические условия. Его отец тоже был этнографом, и Нурболат Едыгеевич продолжал дело отца на концептуально новом уровне, с привязкой сознания к системе хозяйствования. Он великолепно разбирался в зонах кочевания, учитывал не только географические, но и биологические, экономические факторы.

Как только Масанов начал преподавать в КазГУ, я, студент казахского отделения, сразу стал ходить к нему на лекции. Мне нравилось слушать, как он начинал лекцию с номинализма и незаметно переходил к политической ситуации. Это было время политических перемен. В первые годы независимости людям многое было непонятно, у них возникло множество вопросов. Нас всех интересовало, что происходит в стране, и Масанов всегда давал ответы на наши вопросы. Так потихоньку мы полностью переходили на политические темы.

И люди потянулись к нему. Он был очень открытым человеком. Когда мы с ним вдвоем выходили из КазГУ, Масанов предлагал: «Давайте поговорим. Вы не торопитесь? Тогда пройдемся». И мы шли, беседа. Я думал, он живет где-нибудь рядом, на Весновке, пройдем одну остановку. Но мы все шли, шли, уже до Абая дошли, а Нурболат Едыгеевич все рассказывал о политической ситуации. Я думал, все, он где-то здесь в центре живет – нет, мы шли дальше. Я не привык далеко ходить. Дошли почти до «Саяхата», оказывается, он жил у мамы на Маметовой.

И так мы беседовали несколько раз, проходя пешком через весь город. Обсуждали все: политику, жизнь в Москве, глобальные проблемы. И еще Масанов заставлял нас читать художественную литературу. Рекомендовал

прочитать тот или иной роман, в основном западных авторов: Олдингтона, Мелвилла, Стринберга. С удовольствием с его подачи я прочитал законы Паркинсона. Обычно мы выходили вдвоем с Нурболатом Едыгеевичем из КазГУ, он говорил: «Пойдемте, зайдём в книжнический магазин». И мы шли пешком в «Букинист», где он говорил мне: «Купите эту книгу, и эту тоже». Он приносил нам и из дома книги. И все делал от души.

В силу своего казахоязычного воспитания я обычно молчал во время дискуссий. Вокруг шумели, спорили, и Масанов говорил мне: «Что вы молчите? У вас же есть мнение». Я отшучивался: «Нурболат Едыгеевич, я тупой. Хочу что-то сказать, потом думаю, что это ерунда. А как соберусь говорить, уже проехали». «Это пройдет, – говорил он мне. – Это временно. Я тоже был таким. Когда у вас будет собственное мнение на все, когда у вас будет что сказать, вы будете говорить».

Масанов оказался прав. Я и теперь не вступаю в дискуссию, когда много шумят. Но когда все затрундуются что-то сказать, я начинаю говорить активно, потому что мне есть что сказать.

И о чем студенты спорили с Масановым?

– Масанов тогда только-только начал публиковаться в газетах и журналах и у него еще не было широкого круга знакомств. Я был в то время общественным деканом на казахском отделении и решил организовать встречи Масанова с казахскими студентами. Создал на истфаке КазГУ дискуссионный клуб, первую лекцию прочитал Масанов. Всех беспокоили, как и сейчас, национальные вопросы, касающиеся, прежде всего, статуса казахского языка. Он очень кратко и четко подходил к национальным вопросам. Естественно, многие приняли в штыки его идеи.

Дискуссии на изломе

Именно тогда, надо полагать, сложилось негативное отношение к Масанову со стороны наших национал-патриотов? Какие его идеи вызвали особое неприятие?